

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ / SOCIAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0301>
УДК/UDC 159.922

Целевые детерминанты как фактор интеграции человека с окружающим миром

Н.В. Гришина ✉

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ n.v.grishina@spbu.ru

Резюме

Актуальность. Одной из тенденций развития современной психологии является возрастание интереса к исследованию контекста и утверждение принципа контекстуальности как признания влияния факторов контекста на психологическую феноменологию. Ориентация на изучение контекста, в свое время обозначенная Г.М. Андреевой в качестве фундаментального принципа новой парадигмы социальной психологии, в настоящее время является методологическим принципом всей психологической науки и современной психологии личности.

Цель. Теоретическое и эмпирическое обоснование концепта целей в качестве параметра описания отношений человека с окружающим миром.

Выборка. Общий объем выборки составил 350 человек. 45,9% женщин и 53,8% мужчин. В опросе принимали участие молодые люди (84,8% в возрасте от 17 до 25 лет).

Методы. Для описания жизненных целей человека и особенностей его целеполагания была создана опросная форма, в которой фиксировались значимость целей в основных сферах жизнедеятельности человека, удовлетворенность своей реализацией в них, оценка возможностей актуальной жизненной ситуации для достижения этих целей и др. (40 пунктов); для оценки личностных факторов использовались методики «Потенциал самоизменений» (В.Р. Манукян, И.Р. Муртазина, Н.В. Гришина); «Тест экзистенциальных мотиваций» (А. Лэнгле); «Опросник временной перспективы» (Ф. Зимбардо). Для обработки данных этой публикации использовался кластерный анализ.

Результаты. Полученные данные подтвердили контекстуальный характер целей человека, их связь с пространственно-временными координатами контекста, важнейшую роль целей в качестве фактора организации отношений человека с окружающим миром, с осмысленностью его жизни. В зависимости от наличия или отсутствия у человека значимых целей, выраженности его целевой ориентации выделены типы отношений с окружающим миром — направленность на преадаптивные изменения, готовность к адаптивным изменениям, неготовность к изменениям.

Выводы. Полученные результаты подтвердили эффективность описания целевой регуляции активности человека в качестве языка описания отношений личности с окружающим миром. Важнейшей перспективой в дальнейшей разработке данной тематики является описание целостности личности как формы отношений человека с миром.

Ключевые слова: личность, контекст, принцип контекстуальности, отношения с миром, интеграция, цели, готовность к изменениям

Благодарности. Автор благодарит Макарову Марию Владимировну, преподавателя кафедры психологии личности Санкт-Петербургского государственного университета, за помощь в обработке данных исследования.

Для цитирования: Гришина, Н.В. (2024). Целевые детерминанты как фактор интеграции человека с окружающим миром. *Национальный психологический журнал*, 19(3), 11–19. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0301>

Purposal determinants as a factor integration of human with the world

Natalia V. Grishina ✉

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

✉ n.v.grishina@spbu.ru

Abstract

Background. One of the trends in the development of modern psychology is an increasing interest in the study of context within the principle of contextuality as recognition of the influence of context factors on psychological phenomenology. The focus on studying the context, once designated by G.M. Andreeva as a fundamental principle of the new paradigm of social psychology, is currently the methodological principle of all psychological science and modern personality psychology.

Objectives. The goal of the study consists in theoretical and empirical substantiation of the concept of purpose as a parameter for describing a person's relationship with the outside world.

Study Participants. The total sample included 350 people (45.9% women and 53.8% men). Young people took part in the survey (84.8% aged 17 to 25 years).

Method. To describe a person's life goals and the characteristics of the purpose setting, a survey form was created. The form recorded the significance of goals in the main areas of a person's life, satisfaction with their implementation, an assessment of the possibilities for achieving these goals in the current life situation, etc. (40 points). The "Potential for Self-Change" technique (V.R. Manukyan, I.R. Murtagina, N.V. Grishina); "Test of existential motivations" (A. Langle); "Time Perspective Questionnaire" (F. Zimbardo) were used to assess personal factors. Cluster analysis was used to process the data in this study.

Results. The data obtained confirmed the contextual nature of a person's goals, their connection with the spatiotemporal coordinates of the context, the most important role of goals as a factor in organizing a person's relationship with the outside world, with the meaningfulness of life. Depending on the presence or absence of significant goals in a person, the expressiveness of the goal orientation, types of relationships with the outside world are identified — focus on pre-adaptive change, readiness for adaptive change, unpreparedness for change.

Conclusion. The results obtained confirmed the effectiveness of describing the purpose regulation of human activity as a language for describing the relationship of an individual with the outside world. The most important prospect in the further development of this research direction is the description of the integrity of an individual as a form of a person's relationship with the world.

Keywords: personality, context, principle of contextuality, relationship with the world, integration, goals, readiness for change

Acknowledgements. The author is grateful to Maria V. Makarova, Lecturer at the Department of Personality Psychology, St. Petersburg State University, for assistance in data processing.

For citation: Grishina, N.V. (2024). Purposal determinants as a factor integration of human with the world. *National Psychological Journal*, 19(3), 11–19. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0301>

Введение

Одной из фундаментальных тем, в которой соединяются интересы различных областей психологической науки, является исследование отношений человека с миром. В свое время С.Л. Рубинштейн писал: «Анализ отношения человека к миру должен идти сначала не в плане психологическом и субъективно-этическом, а в онтологическом, что и предполагает раскрытие способа существования человека в мире» (2003, с. 357). Решение этой задачи, обозначенной им в главе «Онтология человеческой жизни» книги

«Человек и мир» (Рубинштейн, 2003) сегодня реализуется в плоскости пересечения интересов различных областей психологической науки, прежде всего психологии личности и социальной психологии.

Г.М. Андреева, с именем которой связано становление и развитие социальной психологии в нашей стране, определяя векторы новой парадигмы социальной психологии, писала об их связи с новыми подходами к исследованию личности (Андреева, 2009). Именно здесь сегодня наиболее явно реализуются тренды современных теоретических и исследовательских подходов, обсуждение которых когда-то было начато ее работами.

Практически во всех своих работах Г.М. Андреева затрагивает фундаментальные проблемы социально-психологического знания, теории и методологии социально-психологических исследований, перспектив и направлений развития социальной психологии. Социальная психология относится к тем областям психологической науки и практики, которые особенно чутко реагируют на изменения реальности и необходимость теоретического осмысления происходящих изменений. Г.М. Андреева начинает говорить о необходимости новых подходов в социальной психологии в своих работах еще полувековой давности, и эта тема уже не уходит из поля ее внимания.

В конце первого десятилетия XXI века Г.М. Андреева пишет статью «Социальная психология: векторы новой парадигмы» (Андреева, 2009), в которой она обозначает ключевые проблемы современной социальной психологии, в том числе такие ее фундаментальные принципы как ориентацию на социальные изменения и изучение социального контекста.

Прошедшие с тех пор полтора десятилетия многое изменили в реалиях окружающего мира. Изменения реальности сегодня являются значимым фактором, влияющим на жизни людей. Новые реалии послужили вызовом и к психологической науке, в которой первые десятилетия XXI века стали временем больших перемен.

Сегодня можно говорить о том, что обозначенные Г.М. Андреевой десятилетия назад векторы нового подхода в области социальной психологии стали общеметодологическими принципами всей психологической науки и, прежде всего, психологии личности.

Одним из исследовательских принципов современной психологии личности, приобретающих характер методологического требования, становится принцип контекстуальности. В самом общем виде принцип контекстуальности означает признание влияния факторов контекста на психологическую феноменологию и необходимость учета контекстуальных факторов в психологических исследованиях личности.

Однако этим интерес психологии личности к изучению контекста существования личности не ограничивается. В современной психологии личности пересматриваются традиционные представления о характере отношений человека с миром. Речь идет о том, что активность человека «определяется не устойчивыми априорными характеристиками, а актуальным взаимодействием с миром, управляемым обратными связями; устойчивые структуры, напротив, порождаются и закрепляются в этом взаимодействии как его продукт» (Леонтьев, 2016, с. 11). Отталкиваясь от известного в экзистенциальной психологии тезиса Сартра «Существование предшествует сущности» и схожих представлений классиков отечественной психологии, Д.А. Леонтьев формулирует объяснительный принцип психологии личности, лежащий в основе процессуальной или функциональной парадигмы, сменяющей, как он отмечает, диспозициональную парадигму. Суть этой новой парадигмы в том, что

«индивид находится в постоянном потоке изменяющихся отношений с миром и стремится улучшить эти отношения. Эти отношения предшествуют любым устойчивым структурам психики и личности и объясняют их возникновение и динамику» (Там же). В соответствии с этим, в отличие от традиционных для психологии личности представлений об определении активности личности присущими человеку устойчивыми характеристиками, способ взаимодействия человека с миром становится основой формирования личности и ее развития.

Но, пожалуй, еще более важный аспект взаимодействия человека с окружающим миром связан с тем, что именно в отношениях с ним человек проявляется наиболее целостно, наиболее интегрально во всех своих качествах. Целостность — наряду с изменчивостью и стабильностью — относится к фундаментальным характеристикам природы личности и является принципиальным требованием к ее изучению. Характерное для психологии XX века изучение личности, «расчлененной» на отдельные составляющие, привело к теоретико-методологическому кризису. Важнейшей задачей, которая сегодня стоит перед психологией личности, является разработка методологического и методического подхода к описанию ее целостности.

Одним из возможных решений является понимание целостности через описание отношений человека с миром. Именно во взаимодействии с окружающим миром человек и проявляется в своей целостности.

Для описания онтологии человеческой жизни С.Л. Рубинштейн предлагает «взять человека во всех для него существенных связях и отношениях к миру, выявить все его качества, характеристики, в которых он в каждой из этих связей и отношений выступает» (Рубинштейн, 2003, с. 359). Таким образом, через описание отношений человека с миром мы можем приблизиться к лучшему пониманию природы личности во всей ее целостности.

Принцип контекстуальности в описании личностной феноменологии

Описания окружающей реальности в психологии XX века претерпели существенные изменения. На начальном этапе развития психологии для ее обозначения используется понятие среды, влияние которой, наряду с индивидуально-психологическими особенностями, рассматривается в качестве основных детерминант поведения человека. Далее, понятие среды редуцируется до понятия ситуации, которое на этапе расцвета «измеряющей» психологии становится основным в описании окружающей человека реальности. С конца XX века понятие ситуации вытесняется понятием контекста, которое отвечает реальности современной жизни человека.

Жизненный мир современного человека не исчерпывается конкретной ситуацией, непосредственными

условиями и обстоятельствами его жизни. Это, с одной стороны, очевидным образом определяется технологиями, «включающими» человека в современные формы коммуникации, безгранично расширяющие его жизненное пространство, с другой — «турбулентностью» современной реальности, которая перестала быть фоном выстраивания жизненных моделей и сценариев жизни людей, но стала мощным фактором, влияющим на повседневную жизнь людей и психологическую феноменологию.

Осознание новых связей человека с окружающим миром приводит к серьезным методологическим последствиям для психологической науки, в частности к необходимости разработки методологии, отвечающей принципу контекстуальности.

Критика деконтекстуализированного характера психологических исследований насчитывает уже несколько десятилетий, и, возможно, точкой отсчета к началу развития контекстуального вектора исследования можно считать научный манифест европейских социальных психологов «Контекст социальной психологии» (1972), о котором в свое время писала Г.М. Андреева (Андреева, 2002). За прошедшие десятилетия призывы к необходимости учета контекста в психологических исследованиях сменились активным поиском языков описания взаимодействия индивида с контекстом.

Еще в 1980 году в издании, посвященном прошедшей конференции по психологии ситуаций, Д. Магнуссон говорит о необходимости создания дифференциальной психологии ситуаций (Magnusson, 1981). Спустя несколько десятилетий известный исследователь в области психологии ситуаций Дж. Раутман (Rauthmann et al., 2015; Rauthmann & Sherman, 2018) вновь отмечает недостаточное продвижение в исследовании ситуаций, связанное, по его мнению, с отсутствием ясности в понимании того, как именно следует изучать ситуации, и с отсутствием согласованных концептуальных схем и представлений в этой сфере.

В своей программной статье Дж. Раутман и его коллеги предлагают ключевые принципы исследования ситуаций (изучение процесса переживания ситуации индивидом, учет разных типов реальности, согласованное описание личности и ситуации), которые, однако, не содержат принципиальной новизны по сравнению с выдвинутыми в свое время идеями К. Левина по описанию жизненного пространства человека и нуждаются в конкретизации.

Примером поиска эмпирических решений описания контекста является интегральный подход Within and Across Context Variability (WAC), направленный на изучение индивида в контексте («контекстуализированного индивида»), что, по замыслу авторов, должно способствовать преодолению издержек деконтекстуализированных исследований. Суть предложений авторов — в соединении информации об индивиде (его личностных чертах, состоянии, самооценке и др.) с тем, в какой ситуации он находится. Предметом изучения является вариативность

состояний индивида, его самооценок, поведения и т.д. в зависимости от контекста (Geukes et al., 2017).

Однако упомянутая работа, как и другие подобные исследования не лишена существенных ограничений. Главные из них относятся к фактически механическому соединению данных об индивиде и ситуации, не отражающему их реальное взаимодействие, что, несмотря на утверждения об изучении контекста, на самом деле речь идет о ситуации, в которой находится человек, что не совпадает с понятием контекста. Контекст — это описание жизненного мира, жизненного пространства человека, не сводимого к конкретным условиям его непосредственной ситуации. Логика перехода психологии от понятия ситуации к понятию контекста состоит в осознании влияния широкого пространства современной реальности на психологическую феноменологию, в осознании не просто влияния, но смыслообразующей функции контекста, что и делает привлекательным его использование в качестве концепта описания мира жизни человека.

Целевая регуляция в отношениях с миром

Принципиальное методологическое решение проблемы «человек — среда», как известно, принадлежит Курту Левину в предложенном им концепте жизненного пространства, предполагающем согласованное изучение личности и ситуации. В качестве когнитивного компонента конкретизации связи личности и ситуации выступает концепт «определение ситуации» как результат ее восприятия и понимания индивидом. По Томасу, ситуация может быть описана через три типа данных — объективные условия, установок индивида и «определение ситуации, представляющее собой более или менее ясную концепцию условий и осознание установок» (Thomas, Znaniecki, 1958, p. 68). Для описания аффективного характера отношений человека со средой Л.С. Выготским было предложено понятие «переживание». Выступая против изучения среды «в ее абсолютных показателях», он отмечает значение того, что означает среда для индивида: «переживание и есть единица личности и среды» (Выготский, 1984, с. 381).

Методологические основы изучения целевой детерминации поведения человека в отечественной психологии были заложены работами С.Л. Рубинштейна о детерминации жизненного пути человека (2003), А.Н. Леонтьева о целях и смыслах деятельности (1977), Н.А. Бернштейна о «модели потребного будущего» (1990), И.М. Фейгенберга (2011) о «вероятностном прогнозировании» и др.

В современной психологии эти идеи получают дальнейшее развитие.

То, как человек воспринимает, понимает ситуацию и ее переживает, является значимым параметром в его взаимодействии с ситуацией и во многом и определяет это взаимодействие. При этом в своем восприятии ситуации и ее эмоциональном отношении к ней

человек опирается на свой прошлый опыт, привычные способы реагирования, сформированные установки, которые могут быть основанием для объяснения и прогнозирования действий реактивного характера.

Однако если речь идет об активности, выходящей за пределы актуальной ситуации, для ее понимания необходимо привлечение понятий, связанных с ориентацией на будущее и относящихся к целевой детерминации поведения. «Сущность целевой детерминации поведения можно выразить так: действие детерминировано прошлым и “образом потребного будущего”, которые сливаются с настоящим и экстраполируются на будущее». Речь идет о том, что наука о живой природе, наряду с вопросами «как?» и «почему?», должна отвечать еще и на вопрос «для чего?» (Фейгенберг, 2004, с. 143).

Данные соображения побудили нас дополнить классические представления о взаимодействии человека с ситуацией целевым компонентом. Определение ситуации имеет когнитивный характер, переживание описывает аффективный компонент этой связи, а цель относится к действенному компоненту, который, на наш взгляд, и отвечает за активность человека в ситуации. Во взаимодействии с ситуацией все эти составляющие «работают» вместе, обеспечивая ее понимание, оценку значимости и ее согласованности с целями человека (Гришина, 2023).

Параметр цели, считающийся одним из основных в описании ситуации, является идеальным конструктом, соединяющим человека и ситуацию. Цели ставятся человеком, но при этом всегда соотносятся с ситуацией. Введение целевого параметра в описание отношений человека с ситуацией дает возможность увидеть динамику этой связи. Цели являются важнейшим параметром, отражающим отношения человека с окружающим миром. Именно цели определяют единство человека и ситуации, «чувствительность» человека к контексту лежит в плоскости его потребностей и целей относительно ситуации.

В своих исследованиях мы развиваем положения о контекстуальном характере жизненных целей, что означает их «вписанность» в пространственно-временные координаты жизненного пространства человека. В пространственном контексте цели человека соотносятся с теми возможностями или ограничениями, которые ему предоставляет жизненная ситуация, во временном контексте — в соотношении с жизненными планами человека, его представлениями о своем будущем, а также с успешным или неуспешным опытом прошлого по реализации своих целей. Данные представления были положены в основу проведенного нами эмпирического исследования.

Методы

Предметом проведенного нами исследования была целевая и ситуационная детерминация поведения,

теоретическим основанием которого было представление о контекстуальном характере целей. Исходя из этого представления, были сформулированы гипотезы исследования.

В соответствии с основной гипотезой исследования цели выступают в качестве важнейшего фактора организации отношений человека с окружающим миром, определяют его жизненную позицию с точки зрения готовности/неготовности к изменениям своей жизненной ситуации и самоизменениям.

Жизненные цели человека соотносятся им с пространственным контекстом его жизнедеятельности, а именно с теми возможностями или ограничениями, которые ему предоставляют условия его жизненной ситуации.

Жизненные цели человека соотносятся им с временным контекстом его жизнедеятельности, а именно с успешным или неуспешным опытом по реализации своих целей в прошлом, а также с его представлениями о своем будущем.

Для описания жизненных целей человека и особенностей его целеполагания в нашем исследовании была создана опросная форма, в которой фиксировались значимость целей в основных сферах жизнедеятельности человека, удовлетворенность своей реализацией в них, оценка возможностей актуальной жизненной ситуации для достижения этих целей и др. В качестве таковых рассматривались профессиональная и материальная сферы, сфера межличностных отношений и сфера саморазвития (стремление к личностному росту). (Данные сферы были выделены в результате ранее проведенных исследований, см. Костромина, Гришина, Москвичева, Зиновьева, 2021). Соответственно указанным сферам были сформулированы цели человека: 1) «иметь хорошую работу, стать профессионалом в своем деле, добиться высокого статуса»; 2) «быть финансово обеспеченным человеком, иметь достаток, хорошее материальное положение и жилищные условия»; 3) «иметь хорошую семью, детей, круг близких людей»; 4) «стать более гармоничным человеком, расширить свой кругозор, уделять внимание самообразованию и самосовершенствованию, заниматься собой». Фиксировались значимость данных целей для человека, возможность их реализации в актуальных условиях жизненной ситуации, удовлетворенность своей реализацией в данных сферах, готовность к изменениям жизненной ситуации ради достижения своих жизненных целей. Общий объем опросника — 40 пунктов. Помимо этого, использовались методики, позволяющие выявить личностные особенности в качестве гипотетических факторов, связанных с целеполаганием («Потенциал самоизменений», В.Р. Манукян, И.Р. Муртазина, Н.В. Гришина; «Тест экзистенциальных мотиваций» А. Лэнгле; «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо).

Для получения интегральной характеристики жизненной позиции человека с точки зрения его готовности / неготовности к изменениям своей

жизненной ситуации и самоизменениям был проведен иерархический кластерный анализ переменных методом Уорда с интервальной мерой квадрата расстояния Евклида), позволивший выделить три кластера, объединившие данные 49,7, 36,8 и 13,5 процентов участников выборки. Для описания кластеров был произведен сравнительный анализ с использованием непараметрического критерия Краскала — Уоллиса для независимых выборок по переменным выделенным факторам.

Выборка

Общий объем выборки составил 350 человек. 45,9% женщин и 53,8% мужчин. В опросе принимали участие молодые люди (84,8% в возрасте от 17 до 25 лет); 63,8% из них учатся, 23,6% учатся и работают.

Результаты исследования

Полученные в исследовании результаты показали связь целей человека с вероятностью их достижения в конкретных условиях его жизненной ситуации, оцениваемых им с точки зрения того, насколько ему уже удалось реализовать планы и ожидания прошлого, а значимость целей в конкретных сферах жизнедеятельности определяется тем, что человек готов сделать для их достижения, в том числе изменить свою жизненную ситуацию или измениться самому. Тем самым был подтвержден тезис о контекстуальном характере целей (часть результатов исследования изложена в коллективной статье: Гришина и др., 2023).

В результате факторного анализа были выделены 5 факторов, описывающих полученные данные. Три фактора относились к значимости целей в различных сферах жизни и готовности к изменению своей жизненной ситуации ради их достижения (значимость социальных целей — статуса и материального достатка; значимость целей в области межличностных отношений — семья, друзья; значимость целей саморазвития и личностного роста), один отражал готовность к самоизменениям ради достижения своих целей, еще один — оценку возможностей актуальной ситуации для достижения этих целей. Именно этот последний фактор имел наибольшее число значимых корреляций с показателями личностных методик (шкалами потенциала самоизменений, показателями экзистенциальной мотивации и временной перспективы).

В данной публикации мы представляем результаты, описывающие обобщенные характеристики жизненной позиции человека с точки зрения его готовности/неготовности к изменениям своей жизненной ситуации и самоизменениям, полученные в результате кластерного анализа переменных, входящих в описанные факторы. Далее между кластерами был проведен сравнительный анализ (с использованием непараметрического

критерия Краскала — Уоллиса для независимых выборок по дополнительным переменным).

Между выделенными кластерами были выявлены следующие различия (все приведенные данные имеют статистически значимый характер).

Первый кластер (47 человек, 13,5%) характеризуется самыми высокими показателями по всем факторам, которые значимо отличаются от тех же у двух других: выше других оцениваются значимость реализации собственных целей в основных сферах жизнедеятельности, возможности актуальной ситуации для их реализации, готовность к изменениям ради достижения своих целей. По личностным параметрам для данного кластера характерны самые высокие показатели общего потенциала самоизменений, потребности в самоизменениях, способности к самоизменениям и веры в возможность самоизменений, ориентация на будущее и гедонистическое настоящее. В целом, для первого кластера характерна сильная выраженность значимости жизненных целей и при высокой оценке возможностей актуальной ситуации для достижения своих целей высокая готовность к изменениям.

Второй кластер (174 человека, 49,7% выборки): оценки значимости целей в разных сферах жизни имеют невысокий характер, несколько выше только в области межличностных отношений, при этом возможности своей актуальной жизненной ситуации для достижения своих целей оцениваются достаточно высоко, а готовность к самоизменениям ради их достижения низко. По личностным методикам для данного кластера характерны средние (по сравнению с двумя другими) оценки общего потенциала самоизменений, потребности в самоизменениях, способности к ним и веры в возможность самоизменений. Для данного кластера характерна ориентация на позитивное прошлое и — что особенно его отличает — высокие показатели (выше, чем в двух других кластерах) практически по всем шкалам экзистенциальных мотиваций: доверия к миру, ценности жизни, самоценности, смысла жизни и общей экзистенциальной исполненности; именно это, возможно, позволяет представителям данного кластера ощущать свое благополучие и проявлять неготовность к изменениям.

Третий кластер (129 человек, 36,8% выборки): низкие оценки значимости собственных целей в различных сферах жизнедеятельности — они имеют самые низкие (по сравнению с другими кластерами) значения. С ними связаны низкие оценки готовности к изменениям и наиболее низкая оценка возможностей актуальной жизненной ситуации для достижения своих целей. Ни в одной из этих сфер представители данного кластера не имеют целей, значимость которых они оценивали бы выше других кластеров. Выявленные тенденции поддержаны данными личностных опросников. Для данного кластера характерны самые низкие оценки общего потенциала самоизменений, потребности в самоизменениях, способности к ним и веры в возможность самоизменений, более высокая ориентация на негативное прошлое

и фаталистическое настоящее, неверие в свои возможности влиять на свою судьбу и события своей жизни.

Обсуждение результатов

Полученные результаты позволяют описать (соответствующие кластерам) следующие типы отношений человека с миром своей жизни:

1. Направленность на преадаптивные изменения — жизнетворчество (основана на наличии высокозначимых целей в конкретных сферах жизни, высокой оценке возможности актуальной жизненной ситуации для их достижения, выраженной готовности к изменениям и др.).

2. Направленность на адаптивные изменения (средняя значимость целей в конкретных сферах жизни, высокая оценка возможностей актуальной жизненной ситуации для их достижения, средняя готовность к изменениям и др.).

3. Неготовность (неспособность) к адаптивным изменениям (отсутствие значимых жизненных целей или их низкая оценка, низкая оценка возможностей актуальной жизненной ситуации, неготовность к изменениям и др.).

Проведенное исследование подтвердило решающее значение целевого компонента для описания способа отношений человека с реальностью. Именно выраженность целевой ориентации является важнейшей составляющей адаптивных и преадаптивных стратегий изменения. Наличие значимых жизненных целей лежит в основе ориентации на будущее и готовности к преадаптивным изменениям. Отсутствие жизненных целей или их невысокая значимость ограничивают человека адаптивными изменениями или полной неготовностью к каким-либо изменениям.

Полученные результаты позволили подтвердить ряд положений ранее обозначенной нами гипотетической модели целевой регуляции активности человека: цели имеют контекстуальный характер, наличие или отсутствие значимых жизненных целей и степень выраженности целевой ориентации становится значимым, системообразующим признаком, определяющим отношения человека с окружающим миром.

Проведенное исследование выполнено в соответствии с методологическим принципом единства личности и ситуации, сформулированным, как ранее отмечалось, К. Левином. Эмпирические подтверждения неразрывной связи личностных и контекстуальных факторов были получены нами и в других исследованиях.

Предметом проведенного под нашим руководством исследования В.Д. Мамаевой-Найлз являлось изменение целей человека в связи с изменением ситуации. Участникам эксперимента предлагались ситуации, которые оценивались ими с точки зрения их возможностей для реализации тех или иных целей. Кроме этого, они оценивали и свое предполагаемое состояние в каждой из предложенных ситуаций. Далее им предъявлялись те же ситуации, в которые

были внесены изменения, препятствующие достижению их целей или по меньшей мере ограничивающие возможности их реализации.

Полученные результаты подтвердили контекстуальный характер целей человека: цели человека значимо изменяются в связи с изменением ситуации и соответственно с изменением ситуационных возможностей, которые ситуация предоставляет; таким образом, цели человека тесно связаны с контекстом их реализации. Кроме этого, полученные данные позволяют рассматривать их как подтверждение тесной связи личности и контекста ее жизнедеятельности. Ситуации предоставляют разные возможности для достижения целей, при оценке ситуации человек выделяет именно те ее аспекты, которые важны для достижения его целей. Личностные особенности человека оказываются значимым фактором в восприятии ситуации человеком, при этом они проявляют себя по-разному в зависимости от ситуации. Так, в ситуациях официального характера, связанных с работой и финансами, значимо проявляются такие черты личности, как открытость опыту и добросовестность, в ситуациях межличностных отношений — экстраверсия и доброжелательность. При изменении ситуации в эксперименте, нарушающем ожидания человека, происходит резкое изменение целей человека, усиливается негативность в оценке ситуации и статистически значимое влияние на эту оценку начинает оказывать параметр нейротизма (Мамаева-Найлз, Гришина, 2024; Мамаева-Найлз, 2023).

Предметом еще одного выполненного под нашим руководством исследования Ч. Чжоу было исследование связи реализации человеком целей в основных сферах жизни с осмысленностью жизни. Участниками исследования были представители российской и китайской культур (143 и 150 человек соответственно). Результаты исследования в обеих выборках подтвердили связь жизненных целей человека с особенностями культурного контекста, в том числе и в факторах, определяющих осмысленность жизни. Для российской части выборки осмысленность жизни оказалась связанной со значимостью жизненных целей и возможностями их достижения, для китайской выборки — с готовностью к изменениям ради достижения своих целей, удовлетворенности жизнью, а также (в отличие от российской выборки) с ориентацией на семейные и традиционные ценности и близостью к родительской семье. При наличии этих различий главным результатом исследования стало подтверждение основной гипотезы исследования о контекстуальном характере целей и их связи с осмысленностью жизни (Чжоу, 2024).

Заключение

Одной из важнейших методологических идей современной психологии является идея контекстуальности как признание контекстуального характера

психологической феноменологии, как требование к ее изучению.

В свое время осознание ограниченности психологических исследований «вне времени и пространства» начинается с социальной психологии, наиболее «чувствительной» к изменениям реальности. В отечественной психологии приоритет в постановке и утверждении идеи контекстуальности принадлежит Г.М. Андреевой, сформулировавшей в качестве фундаментальных принципов современной социальной психологии ориентацию на социальные изменения и изучение социального контекста. За прошедшие десятилетия обозначенные ею ключевые векторы развития социальной психологии стали методологическими принципами всей психологической науки и, в первую очередь, психологии личности.

Исследование отношений человека с контекстом сталкивается с рядом методологических и методических трудностей, связанных прежде всего с решением задач согласованного описания личности и контекста ее жизнедеятельности. В наших исследованиях изучалась возможность использования концепта целей как единицы описания взаимодействия человека с контекстом.

Цели являются важнейшим параметром, отражающим отношения человека с окружающим миром, единство человека и ситуации, в свое время обозначенное методологическими предложениями К. Левина. Полученные в эмпирических исследованиях результаты подтвердили гипотетические предположения о контекстуальном и уровневом характере целей человека, их решающую роль в степени активности позиции человека в его отношениях к окружающим миром.

Взаимодействие человека с окружающим миром — это проблемное поле, объединяющее интересы социальной психологии и психологии личности. Именно здесь сбываются прогнозы Г.М. Андреевой о связи новых векторов развития социальной психологии с перспективами появления новых подходов к исследованию личности.

Отношения человека с окружающим миром — это форма проявления целостности личности, именно во взаимодействии с ним личность проявляется интегральным образом. Такая трактовка целостности личности открывает перспективы ее новых исследований.

Список литературы

- Андреева, Г.М. (2002). В поисках новой парадигмы: традиции и старты XXI века. В кн.: Социальная психология в современном мире. Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. (С. 9–26). Москва: Изд-во «Аспект Пресс».
- Андреева, Г.М. (2009). Социальная психология: векторы новой парадигмы. *Психологические исследования*, 2(3). <https://doi.org/10.54359/ps.v2i3.1000>
- Бернштейн, Н.А. (1990). Физиология движений и активность. Москва: Изд-во «Наука».
- Выготский, Л.С. (1984). Собрание сочинений: в 6 тт. Т. 4. Детская психология. (С. 376–385). Москва: Изд-во «Педагогика».
- Гришина, Н.В. (2023) Целевая регуляция поведения человека. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 13(3), 310–323. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.302>
- Гришина, Н.В., Аванесян, М.О., Макарова, М.В., Мамаева-Найлз, В.Д. (2023). Контекстуальный характер жизненных целей: ситуационные и индивидуально-психологические детерминанты целеполагания. *Российский психологический журнал*, 20(3), 6–28. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.1>
- Костромина, С.Н., Гришина, Н.В., Москвичева, Н.Л., Зиновьева, Е.В. (2021). Жизненные модели молодежи: изменения и традиции. *Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки*, 1(103), 79–98. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2021-103-01-79-98>
- Леонтьев, А.Н. (1977). Деятельность. Сознание. Личность. Москва: Изд-во «Политиздат».
- Леонтьев, Д.А. (2016). Экзистенциальный подход в современной психологии личности. *Вопросы психологии*, (3), 3–15.
- Мамаева-Найлз, В.Д. (2023) Изменение саморепрезентации личности в условиях неконгруэнтности целей и ситуационных возможностей. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 13(3), 375–395. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.306>
- Мамаева-Найлз, В.Д., Гришина, Н.В. (2024). Личность в ситуациях целевой неконгруэнтности: факторы оценивания. *Новые психологические исследования* (1), 30–56. https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2024_04_01_02
- Рубинштейн, С.Л. (2003). Бытие и сознание. Человек и мир. Санкт-Петербург: Изд-во «Питер».
- Фейгенберг, И.М. (2011). Человек Достроенный и этика. Цивилизация как этап развития жизни Земли. Москва: Изд-во «Медицинское информационное агентство».
- Чжоу, Ч. (2024). Жизненные цели как смыслообразующий фактор жизни представителей русской и китайской культур. *Новые психологические исследования*, (1), (57–78). https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2024_04_01_03
- Geukes, K., Nestler, St., Hutteman, R., Küfner, A., Back, M. (2017). Trait Personality and State Variability: Predicting Individual Differences in within- and Cross-Context Fluctuations in Affect, Self-Evaluations, and Behavior in Everyday Life. *Journal of Research in Personality*, (69), 124–138.
- Israel, J., Taifel, H. (eds.). (1972). The Context of Social Psychology: A critical assessment. New York: Academic Press Publ.
- Magnusson, D. (ed.). (1981). Toward a Psychology of Situations: An Interactional Perspective. New Jersey: Hillsdale Publ.
- Rauthmann, J., Sherman, R., Funder, D. (2015). Principles of Situation Research: Towards a Better Understanding of Psychological Situations. *European Journal of Personality*, (29), 63–381.
- Rauthmann, J.F., Sherman, R.A. (2018). The Description of Situations: Towards Replicable Domains of Psychological Situation Characteristics. *Journal of Personality and Social Psychology*, 114(3), 482–488. <https://doi.org/10.1037/pspp0000162>
- Thomas, W., Znaniecki, F. (1958). The Polish Peasant in Europe and America. New York: Alfred A. Knopf Publ.

References

- Andreeva, G.M. (2002). In search of a new paradigm: traditions and starts of the XXI century. In: Social psychology in the modern world. In: G.M. Andreeva, A.I. Dontsova. (pp. 9–26) Moscow: Aspect Press Publ. (In Russ.)
- Andreeva, G.M. (2009). Social Psychology: Vectors of a New Paradigm. *Psikhologicheskie Issledovaniya = Psychological Studies*, 2(3). (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v2i3.1000>
- Bernstein, N.A. (1990). Physiology of movements and activity. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Geukes, K., Nestler, St., Hutteman, R., Küfner, A., Back, M. (2017). Trait Personality and State Variability: Predicting Individual Differences in within- and Cross-Context Fluctuations in Affect, Self-Evaluations, and Behavior in Everyday Life. *Journal of Research in Personality*, (69), 124–138.
- Grishina, N.V. (2023). Purpose Regulation of Human Behavior. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Psikhologiya = Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 13(3), 310–323. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.302>
- Grishina, N.V., Avanesyan, M.O., Makarova, M.V., Mamaeva-Niles, V.D. (2023). The Contextual Nature of Life Goals: Situational and Individual Psychological Determinants of Goal Setting. *Russian Psychological Journal*, 20(3), 6–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.1>
- Feigenberg, I.M. (2011). Man Completed and Ethics. Civilization as a stage in the development of life on Earth. Moscow: Medical Information Agency Publ. (In Russ.)
- Israel, J., Taifel, H. (Eds.). (1972). The Context of Social Psychology: A critical assessment. New York: Academic Press Publ.
- Kostromina, S.N., Grishina, N.V., Moskvicheva, N.L., Zinovieva, E.V. (2021). Life Models of Youth: Changes and Traditions. Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. *Humanities and Social Sciences*, 1(103), 79–98. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2021-103-01-79-98>
- Leontyev, A.N. (1977). Activity. Consciousness. Personality. Moscow: Politizdat Publ. (In Russ.)
- Leontyev, D.A. (2016) Existential approach in modern psychology of personality. *Voprosy psikhologii*, (3), 3–15. (In Russ.)
- Magnusson, D. (ed.). (1981). Toward a Psychology of Situations: An Interactional Perspective. New Jersey: Hillsdale Publ.
- Mamaeva-Niles, V.D. (2023). Personality Self-Representation Change in Circumstances of “Goal — Affordance” Incongruity and Situational Opportunities. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Psikhologiya = Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 13(3), 375–395. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.306>
- Mamaeva-Niles, V.D., Grishina, N.V. (2024). Personality In Situations of Goal Incongruence: Assessment Factors. *Novye Psikhologicheskie Issledovaniya = New Psychological Research*, (1), 30–56. (In Russ.). https://doi.org/10.51217/npsyre-search_2024_04_01_02
- Rauthmann, J., Sherman, R., Funder, D. (2015) Principles of Situation Research: Towards a Better Understanding of Psychological Situations. *European Journal of Personality*, (29), 363–381.
- Rauthmann, J.F., Sherman, R.A. (2018). The Description of Situations: Towards Replicable Domains of Psychological Situation Characteristics. *Journal of Personality and Social Psychology*, 114(3), 482–488. <https://doi.org/10.1037/pspp0000162>
- Rubinshtein, S.L. (2023). Being and consciousness. Man and the World. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Thomas, W., Znaniecki, F. (1958). The Polish Peasant in Europe and America. New York: Alfred A. Knopf Publ.
- Vygotsky, L.S. (1984). Collected works: in 6 vol. Vol. 4. Child psychology. (pp. 376–385.). Moscow: Pedagogika Publ. (In Russ.)
- Zhou, Ch. (2024) Life goals as a meaning-forming factor in the lives of representatives of Russian and Chinese cultures. *Novye Psikhologicheskie Issledovaniya = New Psychological Research*, (1), 57–78. (In Russ.). https://doi.org/10.51217/np-syre-search_2024_04_01_03



ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ ABOUT THE AUTHOR

Наталья Владимировна Гришина, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация, n.v.grishina@spbu.ru, <https://orchid.org/0000-0001-6763-7389>

Natalia V. Grishina, Doctor of Sci. in Psychology, professor, Department of Personality Psychology, the Faculty of Psychology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, n.v.grishina@spbu.ru, <https://orchid.org/0000-0001-6763-7389>

Поступила: 20.05.2024; получена после доработки: 25.06.2024; принята в печать: 15.08.2024.

Received: 20.05.2024; revised: 25.06.2024; accepted: 15.08.2024.